

Линь Юй в панике схватил Вэй Циншаня за край одежды: “Это... это слишком много!”

“Не много. Пока возьмём столько, а когда придёт время шить ватные куртки и халаты, вернёмся за новым материалом”.

Вэй Циншань вдруг что-то вспомнил: “А ты умеешь шить одежду?”

“Умею”.

Если бы его маленький фулан не умел, подумал Вэй Циншань, можно было бы попросить помочь тётю Хэ. Но раз умеет... Он слегка улыбнулся: “Тогда к зиме мой фулан сошьёт мне ватную куртку”.

Линь Юй серьёзно кивнул: “Я сделаю тебе куртку”.

Хэ Дун, наблюдавший за этим, округлил глаза. Брат Циншань, конечно, не поскупился! Взял сразу ткани на четыре весенних комплекта, да ещё и хорошего качества!

Сам он порой за весь год не мог себе позволить ни одного нового наряда... Вот бы ему так!

Продавец тоже заулыбался ещё шире. Думал, купят немного ткани, а оказалось, что этот господин так уж балует своего фулана, сразу четыре комплекта взял, да ещё и две сменные нательные одежды!

Он аккуратно перевязал свёртки красной бечёвкой: “Господин, с вас три ляна и пять вэнь. Благодарю за покупку!”

Линь Юй, услышав сумму, даже усомнился, не ослышался ли. Почему так дорого?!

Продавец, умелый торговец, тут же заметил его смятение и с улыбкой сказал: “Фулан, вам очень повезло, ваш господин так любит вас!”

На прощание он даже подарил им два шёлковых носовых платка — один Линь Юю, другой Хэ Дуну. Тот не ожидал, что и ему что-то достанется, взял подарок и радостно воскликнул: “Сегодня мне и правда перепало счастье от тебя, гээр Юй! Этот платок, наверное, стоит семь-восемь вэнь!”

Линь Юй посмотрел на свой шелковый платок. Узоры на нём были немного старомодными. Видно, продавец просто раздавал залежавшийся товар. Он аккуратно сложил платок и спрятал за пазуху.

На рынке в городке было очень оживлённо. Линь Юй бывал здесь редко, да и Хэ Дун тоже нечасто приходил. Во-первых, дорога была неблизкой, а во-вторых, ему, как неженатому гээру, не полагалось слишком часто появляться на людях.

Трое неспешно гуляли по улице. Вэй Циншань наклонился к Линь Юю и спросил: “Если что-то хочешь купить, просто скажи мне”.

Линь Юй кивнул, но про себя решил, что ничего больше не возьмёт. За эту поездку уже ушло почти четыре ляна серебра, а ведь беднякам и пяти лянов хватило бы на год, если бы экономно расходовать.

У Хэ Дуна было двадцать медяков. Его мать в этот раз была щедра, так что он не стал сдерживаться — увидел что-то вкусное или интересное, сразу покупал. Но всё же старался тратить деньги разумно, ведь мать велела ему ещё взять сладостей для двух маленьких племянников.

Заметив лавку с кондитерскими изделиями, Хэ Дун зашёл внутрь и купил на пятнадцать вэнь патоки. Но даже за такую цену сладостей оказалось мало — племянникам придётся есть их экономно.

Вэй Циншань тоже попросил лавочника упаковать два свёртка с фруктовыми сладостями. Линь Юй дёрнул его за рукав: “Я не буду есть”.

Вэй Циншань легко усмехнулся: “Это для визита к родным”.

В свёртках были засахаренные золотистые нити, кунжутные сладости, карамелизированные цветы и хрустящее печенье из водяных орехов. Эти лакомства стоили куда дороже, чем патока — они готовились из белой муки, сахара и масла. Два свёртка обошлись в целых пятьдесят вэнь.

Линь Юю стало и тепло на душе, и горько. Он тихо сказал Вэй Циншаню: “Не стоит брать такие дорогие подарки”.

Вэй Циншань не знал, насколько важны для Линь Юя его тётя и дядя по матери. Но как-никак, это были его родные. Не задумываясь, он спросил:

“Почему? Ты их не любишь?”

Линь Юй тихо ответил: “Не люблю”.

Линь Юй совсем не любил Чжао Чжунь и Цай Чуньхуа. После исчезновения его отца и смерти матери Чжао Чжунь забрал его к себе. Перед соседями он держался благородно, сложил руки в почтительном жесте и сказал: “Будьте спокойны, я — дядя гээр Юя, обязательно о нём

позабочусь”.

Но Линь Юй знал, что ничего семье Чжао не должен. Дядя так поспешил забрать его только потому, что положил глаз на их дом. Денег у них уже не было, но сам дом стоил немалых денег.

Однажды, после очередной порки, Линь Юй тайком сбежал и вернулся туда. Только тогда он узнал, что их дом давно продан. Он спросил об этом у дяди и тот сказал, что выручил за него десять лянов серебра и всё потратил на него же. Тогда Линь Юй был ещё мал и не посмел возразить.

Позже, во время поминок по матери, соседи проговорились, что Чжао Чжунь на самом деле продал дом за двадцать лянов. Только тогда Линь Юй понял, откуда у дяди вдруг появились деньги на постройку нового дома.

Вспоминая это, он чувствовал горечь. Дом, в котором он вырос, так просто оказался проданным Чжао Чжунем. Этой истории он Вэй Циншаню не рассказывал.

Опустив голову, он снова тихо пробормотал: “Не люблю”.

Вэй Циншань не ожидал, что тот действительно ответит. Какой же глупый гээр, подумал он, даже жалко его стало. Любой другой, поумнее, даже если и не любил, не стал бы этого говорить — всё-таки это хоть какая-то запасная дорога.

Чжао Чжунь и его жена, конечно, были людьми неважными, но кто-то другой мог бы подумать: вдруг, если что случится, можно будет надавить, напугать, чтобы не обижали. А его глупенький маленький фулан просто сказал “не люблю” и даже не подумал, что в будущем может попасть в беду, если Вэй Циншань сам станет его притеснять.

Вэй Циншань вдруг ощутил зуд в пальцах, так и хотелось потреть своего фулана по голове.

Но как бы сильно он ни презирал Чжао Чжуня и Цай Чуньхуа, чтобы люди из обеих деревень не смотрели на его фулана свысока, всё, что нужно для визита, следовало подготовить.

Зайдя в мясную лавку, Вэй Циншань взял большой кусок свиной грудинки. Вообще-то следовало бы ещё и вина купить, но почему-то он этого не сделал.

Хэ Дун, заметив продавца засахаренных ягод, не удержался и купил одну шпажку за два вэнь. Вэй Циншань тоже взял такую для Линь Юя.

Два гээра шли по улице, держа в руках свои сахарные лакомства, и неспешно ели.

Линь Юй осторожно откусил одну ягодку и плохое настроение стало проходить. Всё же сейчас у него был Вэй Циншань.

Он протянул шпажку Вэй Циншаню: “Ты тоже попробуй”.

Столкнувшись с тем, что его маленький супруг кормит его, Вэй Циншань, конечно же, не стал отказываться — склонился и взял одну ягоду. Разжевал её пару раз и тут же поспешно проглотил. Если бы не взгляд Линь Юя, наблюдающего за ним, его лицо давно бы уже исказилось. Но он изо всех сил держался, стараясь сохранить свой облик. Как эти двое могут не находить это кислым?

Линь Юй, увидев, что Вэй Циншаню понравилось, снова протянул ему ягоду. Вэй Циншань отказался, больше он точно не мог есть. Однако Линь Юй воспринял это просто как знак того, что супруг уступает ему.

Трое гуляли по рынку, пока солнце не поднялось высоко. Вэй Циншань на этот раз не стал позволять Линь Юю выбирать еду, а то боялся, что его маленький супруг снова будет жалеть деньги и не позволит себе что-нибудь купить.

Собравшись зайти в одну из лавок с едой, Вэй Циншань уже поднял ногу, но тут Линь Юй крепко вцепился в его рукав. В глазах у него мелькнул страх, но голос прозвучал твёрдо: “Я не хочу это есть”.

Видя, что его супруг вот-вот расплечется, Вэй Циншань уступил: “Ну а что ты хочешь?”

Линь Юй быстро осмотрелся и в конце концов указал на прилавок с лепёшками: “Я хочу это”.

В итоге каждый из троих держал в руках по одной лепёшке, каждая стоила три вэнь. Только тогда Линь Юй повеселел. Даже воду они пили просто из колодцев, принадлежавших другим.

Когда все покупки были сделаны, трое направились обратно по улице. Проходя мимо лавки с зерном и мукой, Вэй Циншань ещё купил полмешка риса и полмешка белой муки. Его семья не имела земли, поэтому он всегда покупал зерно.

Вэй Циншань сложил покупки в корзину за спиной: ткань отдал Линь Юю, а остальное нёс сам. Когда они вернулись, было ещё рано. В деревне, у старого вяза возле въезда, сидело немало людей, болтая о своём.

“Циншань, это ты в город ходил?”

“Ох, да сколько же всего накупил! Это, наверное, стоило немало серебра?”

“Новый супруг и правда счастливчик”.

Вэй Циншань только поприветствовал всех и пошёл дальше. Линь Юй боялся чужих людей, поэтому держался за него крепко.

“Я пересчитала, там пять разных цветов ткани!”

“Циншань действительно дорожит своим супругом”.

“Конечно! Да он сразу четыре новых наряда ему сшить задумал!”

Ся Хэхуа тоже была у входа в деревню и видела всё очень ясно. В её взгляде читалась зависть. Другая женщина, с которой у нее были натянутые отношения, язвительно сказала: “Это кто же утром болтал, что у них нет новой одежды? Вот, смотри, появилась”.

“Откуда у Вэй Циншаня столько серебра? Разве он не был настолько беден, что у него только старая соломенная хижина?”

“Ну, как бы ни был беден, а уж на своего супруга он не поскупился”.

После того как они вернулись, Вэй Циншань отнес продукты на кухню, а Линь Юй осторожно убрал все вещи. Затем он бережно снял вещи Дуна и переоделся в одежду Вэй Циншаня.

Выйдя, чтобы набрать воды и помыть руки, он только переступил порог, как чёрная стройная собака вдруг подпрыгнула и бросилась к нему.

Линь Юй испуганно вскрикнул и шлепнулся на землю. Этот момент как раз застал Вэй Циншаня. Он резко прикрикнул: “Дахэй!”

Быстрым шагом он подошел и легонько хлопнул Дахэя по голове. Собака тут же замерла, виновато заскулила. Вэй Циншань редко наказывал своих двух охотничьих собак, они были его верными помощниками и гордостью семьи. Но в этот раз Дахэй посмел напасть на его супруга.

Вэй Циншань помог Линь Юю подняться. Тот так испугался, что в глазах блеснули слезы.

“Все в порядке, я закрою их во дворе”.

Линь Юй действительно был напуган, поэтому так и сел на землю. Но, немного успокоившись, понял, что Дахэй, скорее всего, просто хотел с ним поиграть, ведь он даже зубы не оскалил.

Видя, как напуган Линь Юй, Вэй Циншань решительно собрался еще раз наказать Дахэя. Но

Линь Юй схватил его за руку: “Это не вина Дахэя. Просто я его немного боюсь. Он всего лишь хотел поиграть”.

“Он оскаливался?”

“Нет, совсем нет”.

Только тогда Вэй Циншань успокоился. Если охотничья собака не признает хозяина — ее нельзя оставлять. Если бы Дахэй оскалился, он бы отдал его своему учителю, чтобы тот держал его до старости, обеспечив деньгами и хорошей едой.

“Хочешь их погладить? Дахэй людей не очень жалует, а вот Байсюэ очень общительный”.

Видя, что Линь Юй не возражает, Вэй Циншань взял его ладонь и положил на голову Дахэя. Было бы хорошо, если бы Линь Юй смог привыкнуть к собакам, а если бы страх остался, тогда он просто держал бы обоих псов во дворе.

В глубине души Вэй Циншань надеялся, что Линь Юй перестанет их бояться. Эти две охотничьи собаки были его старыми товарищами.

К тому же, если ему придется уйти, одна из собак останется дома, чтобы защищать его маленького супруга. Если они подружатся, это будет только к лучшему.

Вэй Циншань все еще держал Линь Юя за руку, а его грудь почти касалась спины Линь Юя, словно заключая его в объятия. В этот момент Линь Юй уже забыл о страхе, они были слишком близко и его сердце забило быстрее.

Он осторожно погладил Дахэя по голове, а затем, набравшись смелости, слегка помассировал её. Дахэй сам поднял морду и ткнулся в его ладонь. Линь Юй с удивлением обнаружил, что шерсть собаки оказалась не такой мягкой, как он представлял, а довольно жёсткой и даже немного колючей.

Вэй Циншань снова взял его руку и провел ею по голове Байсюэ. Эта бесхребетная собака тут же радостно зажмурилась, высунула язык и завиляла хвостом так быстро, что он оставил размытый след в воздухе.

Вэй Циншань усмехнулся про себя: Ну и ну, Байсюэ даже со мной не бывает такой ласковой, а перед моим супругом прямо-таки рассыпается в любезностях. Позор для собачьего рода!

Убедившись, что Линь Юй уже не так боится охотничьих псов, Вэй Циншань с облегчением выдохнул: “Поиграй с ними немного. Когда я буду уходить в горы, можешь выбрать одну, чтобы оставалась с тобой”.

Он сделал шаг назад и потер пальцами. Руки у моего мужа такие маленькие... но грубоватые. Надо было купить мазь в городе.

Сзади он заметил, что у Линь Юя покраснели мочки ушей. А ведь еще вчера он был таким смелым, что сам обхватил меня за шею, чуть ли не доведя до беды...

Линь Юй украдкой взглянул назад и, увидев, что Вэй Циншань стоит прямо позади него, тут же резко отвернулся, будто его поймали на месте преступления. Чтобы скрыть смущение, он поспешно присел и принялся гладить Байсюэ.

Байсюэ тут же завалилась на бок, выставив живот. Линь Юй уже не боялся собак, он осторожно погладил мягкую белую шерсть, а Байсюэ довольно заурчала, высунув язык. Даже обычно сдержанный Дахэй подошел ближе и положил лапу ему на колено.

Линь Юй был приятно удивлен, сначала он думал, что Дахэй его не любит.

Вэй Циншань смотрел на эту сцену и даже почувствовал легкую ревность: “А ведь мне пришлось долго его дрессировать, прежде чем он начал слушаться. И вот теперь он так тебя любит...”

Линь Юй был рад. Эти охотничьи собаки — часть их семьи и ему приятно, что они приняли его.

Он еще немного поиграл с ними во дворе. Байсюэ оказался самым приставучим, он всё время прыгал на него, отчего Линь Юй заливался смехом.

<http://bllate.org/book/15725/1407288>